

Лариса Йоонас

Лариса Йоонас (Larissa Joonas) родилась в Татарстане. Училась в Москве. Живет в г. Кохтла-Ярве, Эстония. Публиковалась в журналах «Волга», «Октябрь», «Дружба народов», «Воздух», «Новый Таллин», в сетевых журналах. Автор четырех сборников стихов. В этом году издательством Free Poetry выпущена книга стихов «Мировое словесное электричество».

ПУСТЫНЯ ВЫСОКОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Много ли телефонов утонуло в рейне
звонят и звонят по ушедшим владельцам
холодным светом пульсируя сквозь толщу воды
с кем еще говорит голубая артерия
русалочьими сиренами мелодий
воссоединя плачущих в унисон и поющих
выпадающих из забывшихся рук
из покачивающихся лодок
из белых самолетов из расчерченных светом окон.

Стоящий на остановке парень обнимает девушку за талию
мы называем таких пэтэушниками
наверное для того чтобы прочертить границу между нами и ими
не прочитавшими и десятка книг судя по выражениям лиц
по неумелой татуировке на загорелой руке лежащей на полоске кожи
между розовой рубашкой и розовой юбкой
эта рука лежит на талии возлюбленной совсем не так
как держат принадлежащее или обещающее
но как архимед держал ветку которой рисовал на песке
как млечный путь держит неисчислимое количество звезд
как я держу карандаш над невидимой бумагой
медленно исчезающей в черничном сумраке
разреженной ускользящей прибалтийской ночи.

Гуси летят на юг и я волнуюсь
почему на юг может быть к перемене погоды
выпадет снег вот они и возвращаются рано прилетели
может быть им нет места для гнездовий
пронзительно кричат кто-то отстал или может
что-то случилось я о них ничего не знаю
замечают ли они потерю товарища или это только инстинкты

примитивные с человеческой точки зрения никаких эмоций
а я беспокоюсь за них может быть совершенно напрасно
вдруг они рады вернуться в родные края
и потому гогочут торжествуя облетая вотчину
вот и кошка мурлычет у меня на коленях
должно быть счастлива мы так любим друг друга
но кошки мурлычат и тогда когда умирают
может быть она умирает каждую минуту умирает от счастья
или просто не боится смерти призывает ее не знаю
муха проснулась бьется в стекло
вылетай я открыла для тебя все окна в комнатах
скажи мне как тебе это объяснить.

Мария или может быть Анна приезжает из командировки домой
выходит из поезда все та же непроснувшаяся трава
у переезда голубое небо но дома нет
удивительным образом нет ничего не осталось
не осталось ничего от деревни и города больше не существует
даже страны кажется нет да и страны уже не видно
и планеты нет все погребло и она одна у переезда
смотрит на жухлую траву вернулась из командировки
зачем лучше было не возвращаться.

В зеленом и синем дежурном свете все сразу разобщены
лампа мигает будто делает последние снимки
видишь они сидят в этом тусклом беззвучном пространстве
в опустевшем фойе кинотеатра у закрытого вокзала
в приемном покое на ночной заправочной станции
они сидят еще рядом но свет их разделяет свет
они смотрят уже немного в разные стороны
и колени их направлены врозь они вот-вот встанут
и исчезнут телепортируются сотрутся из памяти
растворенные в кислоте дежурного света
застающего беспечных улыбающихся врасплох.

Желтая лампочка бросающая треугольный свет
на глухую стену заброшенного свинарника
между деревней А и станцией Б
невыносимо одинокая видимая лишь пассажирам
скоростных поездов и рейсовых автобусов
неизменно вызывающая тоску стоящих у окон

едва различающих ночной пейзаж поедаемый люминесцентными лампами
ее просто забыли выкрутить ушли такое унижение
никто не подумал вещи ничего не стоят
последние времена и перегореть опять не вышло.

Он уснул или умер и увидел себя
как душа отделилась от тела вознеслась и попала в рай
изможденный измученный потерявшийся от боли
столько страдал что понятно что в рай куда же еще
огляделся в благословенной тиши в нежном покое парят
безрукие безногие исхудавшие слепые
с блаженными улыбками на том что осталось от лиц

внезапно очнулся в кровати
вернулся в человеческий ад
где красота и дети и звери и трава.

Это августовские цветы нам напевают осень
золотые шары свесившиеся за забор палисадника
тяжелые снопы шаров отстрелянные фейерверки зноя
душные флоксы медоносное сгущение цвета
георгины и астры звезды ледяного будущего
далии про ночные небесные дали
и на самом же деле ничего не случится
завтра наденем куртки и пойдем на работу
никто не умрет от того что хризантемы
источают запах горечи и потери
обугливающиеся от заморозков листья
еще не смертельны еще не убьют нас будем надеяться нет.

Копенгаген.2

Зачем почему я пью дождевую воду
из розовых бутонов в христиании
из последних цветов утекающей в землю осени
они пахнут питерской подворотней двадцатилетней давности
таинственным запахом порочной жизни
запахом отравы горечи и обмана
избыточной легкости приобретенной за деньги
здесь как и там нет счастливых
нависающие пестрые стены отчаяния
заборы законов преступающих законы
недобровольность добровольного

узловатые деревья опадающие в овраги
детские горки по которым не скатываются дети
только их тени их воспоминания
последние всполохи затухающих огоньков
сумеречные отражения умирающих соцветий.

Выжившие никого не интересуют
они мешают своим несовершенством
их истории невозможно поправить
их биографии обязательно с подвохом
от них пахнет потом или луком
не издано постановлений как к ним относиться
только собственная совесть но нет никакого опыта
они сидят на шатких скамейках
заражая городские парки
есть способ полюбить их не о том ли
говорят наши главные книги
написанные мертвыми о мертвых?

После хорошего стихотворения страшно
вдруг ты не напишешь ничего лучше или просто не хуже
всякий подвиг на пределе сил рождает неуверенность
в следующем подвиге и невозможность соответствия
преодолев болезнь боишься рецидива
пережить который наверняка не удастся
вставая утром с постели никогда не бываешь уверен
что завтра сделаешь то же самое
человек исчезает из жизни не получая вознаграждения
за свои ежеутренние и ежевечерние подвиги
да что человек – человечество тоже исчезнет
и пока неизвестно оставит ли какой-нибудь след
или так и растает в невообразимой бесконечности
смысл которой в самой бесконечности если это вообще смысл
с этой точки зрения самое правильное
жить не зря там где все без сомнения зря.

Я пишу на медленном перуанском
будто надеваю красивые вещи
полные тьмы стекающие словно тени
шелковые прикосновения без вкуса и запаха
когда-то мы замечали звуки дыхание травы и шепот тумана

различали на ощупь закаты переламывали как хлеб
неизвестно перестали ли мы слышать стрекотание
вечернего луга или он замолчал или они исчезли
сухкрылые насекомые светлячки и гибкие ящерицы
или они все говорят на перуанском
несуществующем и потому неслышном
понятном лишь тому кто пел его и говорил и умер в нем
и остался в нем и нашел для него слово.

В иной реальности я возможно присутствую
дальнобойщиком тридцати четырех лет
по имени Ильдар или Фарид
выпрыгиваю из кабины
очистить номер забрызганный снежной грязью
выкурить сигарету пнуть колесо
стертые костяшки пальцев
тело ленивого зверя скупые движения
проезжаю изо дня в день
в зимней мертвой действительности
мимо сухих перьев берёзовых рощ
мимо минаретов и антенн сотовой связи
похожих на скелеты минаретов
мимо зимних кузнечиковых остовов
звонких от мороза нефтяных качалок
ключей открывающих недра
воющих среди поля подпевающих пурге
мимо линий электропередач разрезающих эфир
на полосы на гудящие островки
в которых исчезают песни
незамолкающих дорожных радиостанций
и тогда он смотрит вверх в небо
пытаясь расслышать растворенную музыку
и это единственное чем мы похожи
он летящий по заснеженной бугульминской дороге
и несуществующая в этом мире я.